

врагам.¹ В это же время в Москве, над Флоровскими воротами, служившими парадным входом в Кремль, было поставлено каменное изваяние Георгия работы мастера Д. Ермолина.² Фигура всадника и позднее украшала московский герб и великокняжескую печать.³ Правда, не все понимали, что означает этот «ездец»: одни видели в нем изображение Георгия, другие — московского государя.⁴ Уже много позднее отголоски образа змеборца сказались в замысле «Медного всадника». Попираемый им змий как символ противников преобразователя был отлит русским мастером Гордеевым.⁵

Чтобы по достоинству оценить образы Георгия в древнерусской живописи, необходимо определить их место в истории мирового искусства.

Огромное значение Византии в развитии иконографии Георгия заключалось в том, что на протяжении средних веков, когда церковно-аскетические представления способны были вытравить всякие понятия гуманизма, византийские мастера придерживались образа «святого воина», гордо гарцующего на своем боевом коне. В византийских изображениях Георгия нас покоряет их родство с античными изображениями героев-воинов. Одухотворенность отличает византийских воинов от тех всадников-охотников, которыми так часто украшалось восточное серебро и восточные ткани.⁶ В средневековом искусстве Западной Европы в образе Георгия проявились рыцарские представления. Георгий — это бесстрашный завоеватель;⁷ порой он наделяется чертами Зигфрида.⁸ В средневековом искусстве Запада подчеркивается ожесточенность борьбы Георгия со змием и чувствительность ее свидетелей. В борьбе с драконом Георгий проливает свою кровь,⁹ при виде ее освобождаемая им царевна падает в обморок.¹⁰ В Георгии нередко преобладают черты самодовлеющей личности.

Рыцарские представления дают о себе знать в искусстве Западной Европы и позднее. Но по мере того, как из образа Георгия исчезает возвышенное, светлое, поэтическое, в нем усиливаются черты изменности, жестокости, прозаичности. В гравюре «мастера домашней книги» Георгий — это грубый ландскнехт, который подкрадывается к чудовищу и закалывает его ножом.¹¹ В сущности и Дюрер, создавая свою гравюру

¹ А. Анисимов. Этюды по истории новгородской иконописи. Журн. «София», 1914, № 5, стр. 9—21; ср. сообщение А. Веселовского (ук. соч., стр. 5) о том, что еще в 1098 году осажденным в Антиохии крестоносцам «помогали» Георгий, Федор и Дмитрий.

² Н. Н. Соболев. Резные изображения в московских церквах. «Старая Москва», II, 1916, стр. 16. Вряд ли можно согласиться с мнением В. Н. Лазарева (Образ Георгия-воина... стр. 220), что культ Георгия распространился в Москве под влиянием Новгорода. В XV веке каждый из этих двух центров приписывал себе покровительство Георгия, стремясь использовать его авторитет в народных массах.

³ Записки о русских гербах, I. Московский герб. СПб., 1856, стр. 8. — Очерки истории СССР, II. М., 1953, стр. 331.

⁴ А. Лакнер. Русская геральдика. СПб., 1855, стр. 128.

⁵ А. Г. Ромм Ф. Г. Гордеев. М.—Л., 1948, стр. 9.

⁶ Гуманистическое начало в Дигенисе и его отличие от восточных богатырей-великанов отмечают Сатас и Легран (С. Sathas et G. Legrand, ук. соч., стр. CXLIV).

⁷ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 29.

⁸ А. Веселовский, ук. соч., стр. 120.

⁹ Там же, стр. 106 (о «Chanson d'Huon de Bordeaux»). В изобразительном искусстве Западной Европы уже в XII веке чудовище наносит ущерб Георгию: в рельефе Феррарского собора у него сломано копье (M. Zimpermann. Oberitalienische Plastik im frühen und hohen Mittelalter. Leipzig, 1897, рис. 27).

¹⁰ Там же, стр. 106. В фреске Альтиериери, в Сан-Джорджо в Падуе изображен момент перед змеборством — царевна, отпуская Георгия, погружена в задумчивость и тоскует о нем.

¹¹ F. Burger. Die deutsche Malerei. Berlin—Neubabelsberg, 1918, рис. 62.